

Министерство науки и высшего образования РФ
Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«**СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ**»

Юридический институт
кафедра международного права

УТВЕРЖДАЮ
Заведующий кафедрой
Т.Ю. Сидорова
подпись   инициалы, фамилия
« ____ » _____ 2023 г.

БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА

41.03.05. Международные отношения

Эпистемологическая обоснованность конструктивистских теорий нации
и нациестроительство (на примере Италии, Франции, Испании)

Руководитель	_____	<u>доцент, к.филос.н</u>	<u>М.С. Бухтояров</u>
	подпись, дата	должность, ученая степень	инициалы, фамилия
Выпускник	_____		<u>В.И. Бровко</u>
	подпись, дата		инициалы, фамилия

Красноярск 2023

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	3
1 Сущность конструктивизма и сопоставление причисляемых теорий.....	7
2 Эпистемологический статус конструктивистского подхода.....	22
3 Проблемы нацистроительства на примере Италии, Испании и Франции и конструктивизм.....	34
Заключение.....	51
Список использованных источников.....	53

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность работы обосновывается радикальным переосмыслением природы общественных и политических отношений, в том числе концепции нации, наблюдавшееся во второй половине XX века, и связанное с появлением таких направлений как марксизм, неомарксизм, структурализм, постструктурализм. Подъем национализма в XIX - начале XX века привел к тому, что интерес к феномену нации резко возрос, а новые исследовательские парадигмы, сформировавшиеся в философии и политологии способствовали появлению нового семейства политических теорий, впоследствии получившего название конструктивизм. В современной науке конструктивизм продолжает свое экстенсивное развитие и получает все большую поддержку в научном сообществе, что делает актуальным вопрос относительно внутренней непротиворечивости и фактической достоверности теории, того насколько легитимен и предпочтителен данный подход в сравнении с другими. Еще больше актуальность работы повышает то соображение, что современное постмодернистское общество зачастую характеризуется как общество кризиса идентичностей характерных для модерна, таких, например, как нация и в этой связи интересно исследование того, онтологического статуса нации, который предполагает конструктивизм. Беря во внимание тот факт, что с образования Вестфальской системы, именно государства-нации становятся основным актором международных отношений исследование природы нации и прогноз ее трансформаций становится крайне важным для обсуждения общего развития системы международных отношений.

Помимо этого, опыт Франции, Испании и Италии становится особенно интересным в силу, с одной стороны той длительной и сложной истории становления данных наций, с другой современных проблем нациестроительства. Именно в этих странах мы видим реализацию разных

моделей нациестроительства вместе с весьма долгим периодом собирания нации и формирования единой идентичности, которая могла бы успешно соперничать с религиозной или этнической. Также, на современном этапе в том числе в данных странах заметен своеобразный подъем сепаратизма, что еще раз поднимает вопрос о природе нации. Именно поэтому можно полагать, что опыт вышеупомянутых стран актуален в контексте обсуждения эпистемологии конструктивистских теорий.

Практическая значимость исследования в первую очередь связана с тем вкладом, который вносит исследование в методологические споры относительно концепции государств-наций и схожих проблем. Так, результаты работы могут быть использованы на метатеоретическом и теоретическом уровне для дальнейших исследований так как предлагается анализ, целью которого является определение научной значимости и обоснованности конструктивизма в контексте исследования наций. Также значимость работы для дальнейших исследований может проявиться при оценке и прогнозе дальнейших изменений политики нациестроительства и трансформации национальной идентичности в современных условиях, в особенности в Испании, Франции и Италии.

Объектом исследования можно назвать ключевые тезисы, предсказания и концепции конструктивизма, ведущих исследователей, которые образуют определенное видение нации и связанных международных процессов, которое претендует на достоверность. Помимо этого, к объекту можно отнести те политические процессы выбранных стран, на объяснение которых претендует конструктивизм.

К предмету исследования следует относить процессы и явления затрагивающие государства-нации, которые непосредственно связаны с верификацией и фальсификацией подходов, классифицируемых как конструктивистские, также те следствия конструктивистских теорий, которые представляются значимыми для развития национальных государств.

Целью работы является определение гносеологического статуса конструктивистского подхода, состоящего в эмпирической достоверности и внутренней непротиворечивости, в его связи с актуальными проблемами нациестроительства в Испании, Италии и Франции.

Для достижения цели был сформулирован ряд задач:

1. Провести сравнение конструктивистских теорий для определения общей парадигмальной основы подхода
2. Проанализировать когерентность конструктивистского подхода и степень его соответствия верифицируемым фактам истории и современных международных отношений
3. Выделить общие черты процесса нациестроительства Испании, Италии и Франции и сопоставить их с объяснением и предсказаниями конструктивизма

Результат: комплексная оценка гносеологической ценности конструктивизма как парадигмы исследования генезиса и развития государств-наций, в ее связи с теми трансформациями, которые переживают национальные идентичности современных европейских государств, а именно Италии, Испании, Франции.

Степень научной разработанности. Долгое время примордиализм являлся господствующим направлением мысли при рассмотрении феномена нации, однако начиная примерно со второй половины двадцатого века начинает складываться совершенно отличный способ мыслить генезис этой формы объединения людей, впоследствии названный конструктивизмом. По мере развития теории, ее более широкого применения удельное количество сторонников подхода только росло и на текущий момент тема характеризуется достаточно глубокой научной разработанностью, среди наиболее известных мыслителей, которые внесли вклад в разработку как темы наций, так и вопросов эпистемологии и социальной философии можно в первую очередь назвать Б. Андерсона, Э. Гелнера, Э. Хобсбаума, П. Бурдьё, М. Нусбаум, Ч. Кукатана, К. Поппера, У. Куйана, Б. Латура, М. Фуко, Л.

Алтюссера. Также привлекались труды философского, политологического, исторического характера таких исследователей как: Д. Джозеф, V. Rouliot, Ле Гофф, J. Breuille, M. Finemore, J. Hoffmann, П. Бергер, Т. Лукман. Также тема широко исследовалась российскими учеными О. Самылов, И.С. Семенов, М. В. Сергиевский, А. Д. Тумин, З.А. Чеканцева, Т. И. Яковук, А.В. Попов, А. В. Нехаев, К.И. Лях, В.В. Кочетков, Е.Ю. Калинина, К.С. Гаджиев, А. Я. Гуревич, А.В. Баранов, А. А. Басманова, М. М. Бахтин.

1 Сущность конструктивизма и сопоставление причисляемых теорий

Для современного общества нации стали неотъемлемым атрибутом и для повседневного мышления не свойственно проблематизировать их существование, развитие или генезис. Здесь особенно важно отметить генезис, долгое время нации или этносы воспринимались как нечто изначально данное и подобно тому, как невозможно помыслить человека вне общества, также и большинству людей сложно себе представить человека, не имеющего национальную идентичность, принадлежность к какой-либо общности подобного ряда. Со временем, в первую очередь в эпоху романтизма, это представление выкристаллизовывается в учение получившее название примордиализм. Обращение к этой концепции для нас столь важно ввиду того, что конструктивизм, при том, что это самостоятельное теоретическое направление, выросшее из анализа истории появления нации, во многом появляется как антитеза примордиалистскому представлению о природе отношений внутри таких групп как нация и народность и соответственно наиболее отчетливого понимания конструктивизма можно достигнуть путем в том числе анализа того, что он отрицает[15].

Примордиализм – это концепция утверждающая, что нация является естественной, древней, врожденной идентичностью, которая не зависит от исторических или экономических условий. Из ее естественности следует то, что на сущностном уровне нации неизменны, следовательно, и невозможно ее значительная трансформация или выход из одной нации и переход в другую или более того, в другие. То есть существование этой политической и культурной общности независимо от отношения к ней [28]. Этимологически примордиализм означает врожденность, кровную или родственную обоснованность существования какой-либо связи, в данном случае национальной. То есть национальная общность эта связь особого рода,

подобная кровному родству, в том смысле, что по факту вхождения в эту связь отказаться от нее уже невозможно в силу ее естественности. Итак, примордиалистский взгляд на природу нации устанавливает первичность нации по отношению к политическим институтам и истории, однако это не означает, что нет определенных причин появления нации, примордиализм выделяет определенные свойства и границы нации.

Как отмечалось, в отчетливом виде появление примордиалистского подхода можно отсчитывать от эпохи Романтизма, в частности, именно в этот период появляется понятие *volksgeist*, то есть дух народа, идеальная сущность присущая нации определяющая ее целостность и набор свойственных национальных черт. Здесь проявляется представление о континуальности нации, ее неизменности, внеисторичности и естественности. Нация понимается как единое пространство, которое образуется неразрывной связью особого рода и создающее непроницаемую культурную границу. При этом внутри примордиализма давались разные ответы на вопрос о том, что же образует эту особую связь [10].

Философ и культуролог И.Г. Гердер считал, что язык ввиду того, что между языком и мышлением практически нет разницы, является выражением национального характера. Эта идея в национальном отношении напоминает гипотезу Сепира-Уорфа, ввиду идентичности языка и мышления, разница языков означает и разницу мышления присущую различным языковым сообществам, которые в определенном смысле становятся тождественными нациям. В таком способе формулирования примордиалистской теории укорененность нации связана с культурной аутентичностью. Гердер выражает эту мысль в таком высказывании: «каждый народ есть народ; он имеет свой национальный склад так же, как он имеет свой язык» [2]. Связка национальный склад-язык определяет границы нации и то, что порождает подобную общность [15].

Помимо этого, с идеей примордиализма, конечно, связаны предположения о том, что нацию определяет географическое положение,

опосредующее последующие свойства общности, или биология, задающая генетическую неповторимость нации [24].

В общем и целом, можно сказать, что в примордиалистской традиции, нация как идентичность, обладающая постоянством существования, определяется общностью культуры, языка, происхождения и не подлежит трансформациям извне.

Взгляд примордиализма не мог не встретить ряд возражений, которые в первую очередь связаны с внеисторичностью нации, несовпадением биологических, географических и языковых границ с политическими границами нации и «чрезмерной умозрительностью» некоторых понятий [20].

Появление конструктивизма и критика предыдущей традиции стала возможна в том числе из-за исторических событий XX века и сопутствующей трансформации оснований гуманитаристики и в первую очередь политических наук. Вторая половина двадцатого века во много характеризуется крахом великих нарративов и появлением новых философских направлений. Политика, ставящая во главу угла нацию как первостепенную идентичность способную на агрессивную конкуренцию с другими такими же общностями привела к ряду конфликтов на национальной почве разной масштабности, постепенно сменилась все усиливающейся интеграцией, что контрастировала с представлением о нации как о культурной непроницаемой монаде. Что касается парадигмальных изменений в области гуманитарных наук, в XX веке новое осмысление нации происходит в том числе под влиянием таких направлений как постструктурализм, структурализм, марксизм, неомарксизм которые знаменуют «крах великих нарративов».

Еще в марксизме была заложена интенция к тому, чтобы рассматривать политические институты, в том числе государства-нации как производное от экономических отношений, соответственно уже для марксизма нация это не самодовлеющая сущность, а продукт определенных историко-экономических

условий, а национальная идентичность выполняет функцию замещения подлинных интересов присущих классу-в-себе. Отталкиваясь от этой идеи неомарксизм предлагает несколько отличное видение социальной реальности. Альтюссер говорит, что аппараты принуждения и идеологические аппараты не только воспроизводятся на уровне политической структуры, но и в буржуазном обществе, становятся способны к тому, чтобы воспроизводить сами условия этого общества, те кадровые и иные ресурсы, которые необходимы капитализму [1]. Идеология существует автономно через множество социальных институтов, воссоздавая систему ценностей, которая гарантирует стабильность капиталистического общества, элементом, которой можно назвать и национальное самосознание. Более того, Валлерстайн задается вопросом о том «существует ли в действительности Индия», в предлагаемом им видении некоторые из национальных государств в действительности были выстроены не вокруг объединенного общим характером этноса, а появились в результате складывания мир-системы [8]. Рассматривая его работы мы видим, что государство-нация анализируется не как вещь сама по себе обладающая неким набором свойств, а как продукт эпохи, связанной с формированием определенного глобального устройства общества, производящее присущий именно этому устройству способ упорядочивания политической жизни. В общем и целом, неомарксизм подчеркивает манипулятивный характер современной культуры и культурной политики, в частности, который создает символическое, способное к определению характера общества, в том числе это касается и национального самоопределения.

Структурализм является междисциплинарным направлением, которое подчеркивает важность неизменных самовоспроизводящихся отношений и их превосходство над элементами. Иными словами, первостепенность структуры по отношению к символам, элементам, предметам, любым сущностям и тем самым отрицает эссенциализм, который во многом традиционно ассоциируется с примордиализмом. Структура здесь глубинное

не осознаваемое напрямую понятие, определяющее индивида или вообще любой элемент социальной интеракции, его свойства, положение, желания, историю и прочее. Структурой, на которую обратили внимание в первую очередь был язык, но и другие кандидаты могут быть также рассмотрены, например, производственные отношения, бессознательное и прочее [20]. В контексте исследования наций стоит сказать, что структурализм отменяет мысль о нациях как о чем-то естественном и изначально данном и скорее согласуется с представлением о том, что национальная идентичность как символическое проявляется из существования структур.

Следующий виток связан с появлением постструктурализма, направления, которое состояло в критике логоцентризма, мистификации оснований структур, излишней метафизичности и в исследовательском акценте на контекстуальности и открытости к интерпретации знаковых систем [36]. В русле этого течения были предложены в том числе такие концепции как: симулякр или ризома, то есть идеи, которые выражали упадок веры в то, что нацию можно считать сущностью имманентно присущей человеческому обществу [20].

Краткий обзор этих направлений нацелен на то, чтобы в сжатой форме выразить парадигмальные изменения, имевшие место в двадцатом веке. Все эти направления связаны с общим разворотом от метафизики, которая фундировала идеи вроде примордиализма, с общим крахом великих нарративов, к которым можно отнести коммунизм, гегельянство, что важнее в контексте исследования романтизма, исторически связанного с примордиалистской традицией.

Также, исторические события второй половины двадцатого века, в особенности в Европе демонстрируют резкие изменения в нациестроительстве, кризис национальных идентичностей вел к упадку государств-наций и сопутствующих политических институтов, также важной тенденцией является рост сепаратизма [24].

Переходя непосредственно к семейному множеству политических теорий, причисляемых к конструктивизму, которое подразумевает определенную концептуализацию рассматриваемого предмета, необходимо определить статус направления. Конструктивизм в общем смысле — это научное направление или совокупность теоретических подходов, объединенных идеей того, что нация является социальным конструктом. Где социальный конструкт — это созданный определенным обществом набор представлений, существующий по большей степени в силу веры или согласия верить в реальность этих представлений, то есть то, что существует в силу согласия людей относительно предмета. Стоит оговориться, что представителями конструктивизма реальность социального конструкта понималась по-разному, для одних социальный конструкт, например, государство, нация, капитализм, гендер, субъект и прочее связаны с чистым воображением, мифичностью, надуманностью, обманом, для других социальный конструкт это реальность того же онтологического порядка, что и та, что не была создана в результате конструирования, более того, можно выделить и позицию, распространяющую конструирование на всю реальность вообще. Конструктивизм в изначальном смысле Латура или Лукмана, означал конструирование множеством акторов, в случае Латура в том числе и не относящихся к обществу напрямую, здесь нет классического субъект-объектного отношения, социальная реальность становится отнестельной сами объекты, которые являются участниками социальных отношений конструируемы ими с социологической точки зрения [16]. Позиция Лукмана интересна в том смысле, что он настаивает на реальности конструктов, им предшествует своеобразная неоформленная материя общественных отношений, которая включается конструированием в действительность, подобно тому, как эксперименты Пастера, открывшие сибирскую язву, не изобрели бактерию, но сделали из неизвестной ранее причины заболевания то, что стало оформленной частью социальной реальности, также например понятие эпидемии или экономического кризиса

могли заменить понятие проклятье богов, ряд примеров смены понятий реферирующих к социальным явлениям можно продолжать еще очень долго [5][16].

Ранее были рассмотрены метатеоретические основания появления конструктивистских теорий, к которым были отнесены глобальные исторические перемены и общие мировоззренческие изменения, также было отмечено, что конструктивистская парадигма появлялась в определенной степени как отрицания примордиализма. Теперь для того, чтобы окончательно определить основные идеи конструктивизма и проанализировать внутреннюю структуру направления, обратимся к ключевым понятиям и их понимаю некоторыми из исследователей-конструктивистов.

Логично начать с понятия, которое до этого звучало столь часто – нация. Этимология в данном случае нам говорит только о связи нации и этноса, так как перевод *natio* с латыни примерно эквивалентен по своему употреблению понятию племя или народ. Понятие — это вполне многозначно, во-первых, нацию можно понимать чисто политически как совокупность граждан одной страны, в другом смысле понятие нации сближается с понятием отдельной культуры, что уже заставляет говорить о разных способах определения нации, для одних наций принадлежность определяется гражданственностью, для других культурой, для третьих этносом. Также в политической практике нация периодически становится синонимом слова государство. Б. Андерсон определял нацию как воображаемое сообщество, то есть существующее благодаря способности человека представлять [2].

Если попытаться найти узус необходимый для исследования и принимаемый конструктивистами, можно сказать, что нация – это группа людей, связанная общей культурой, языком, верой, происхождением, экономической жизнью, политическими интересами и сознающая собственное единство.

При рассмотрении ключевых идей конструктивизма будет сделан акцент на понимании понятий языка и культуры, сейчас предлагается обратить внимание на то, что определения нации включают в себя политическую общность и самосознание нации, поэтому нация крепко связана с понятием государство [6]. Более того, новое время породило совпадение культурных и политических границ, о котором и говорит конструктивизм, что вылилось в закреплении в роли основного актора международных отношений государства-нации.

Государство-нация, как к этому понятию подходят, например, Хобсбаум или Гелнер – это государство чья легитимность проистекает из национального характера государства, из совпадения с национальной общностью. Кроме того, для государства-нации примечательна попытка установления унифицированного контроля над всей территорией, в отличие от империи с ярко выраженным центром и периферией и не стремящихся к расширению городов-государств. В результате развития капитализма, феодальный способ политической организации общества заменяется централизованным и современное государство победив в столкновении с другими политическими формами организации становится центром политической жизни. Упор на национальные государства во многом родился в противостоянии империи как политической форме организации, в противостоянии которое закончилось Вестфальским миром 1648 года, хотя феодальные пережитки устранялись еще долгое время, однако как будет видно далее, именно имперская администрация зачастую и приводила к появлению национального мышления [30].

Как отмечалось государству свойственные такие отличительные признаки как монополия на насилие, единство информационного и экономического пространства, четкие границы, наличие единого аппарата управления. Все это в совокупности не было свойственно другим формам, племена и феодальные государства не обладали границей, необходимой для восприятия нации как единства. Более того, территория была скорее

достоянием монарха, чем нации. А информационное, экономическое пространство и единый аппарат управления — это то, что крепко связало государство и нацию, сделав одно невозможным без другого, исторически, хотя, например, Гелнер считает их связь скорее случайным совпадением [9].

После определения основных анализируемых терминов, предлагается обратиться, собственно, к частным теориям для выделения, во-первых, того, что можно назвать общей парадигмальной основой подхода, во-вторых, наоборот, того, что различается и вызывает дискуссии в семейном множестве конструктивистских теорий.

Б. Андерсон противопоставляет воображаемое сообщество реальному, то есть такому где сообщество складывается на основе прямых контактов, подобно роду или общине, воображаемое сообщество становится возможным благодаря символическим ресурсам, способностям человека к воображению, к тому, чтобы представить и символически выразить существование и принадлежность к некоторому сообществу, ведь никогда представитель какой-либо нации не будет знать и небольшую часть всей нации [2].

Для Андерсона, как и для конструктивизма в целом характерно признание исторически приходящего характера нации, ввиду появления тех условий, которые способны конструировать подобную общность. Ее конструируемый характер Андерсон считает необходимым для объяснения ряда парадоксов. Так, по его мнению, примордилисты с одной стороны субъективно верят в древность нации, с другой стороны историки замечают объективность ее складывания, политическая значимость сочетается с философской нищетой, с одной стороны принадлежность нации классу наций, то есть некоторая универсальность этого понятия и претензия каждой нация на уникальную неповторимость, закрытость, бытие *sui generis*. Но, не смотря на ряд парадоксов, как замечает Б. Андерсон, символическая и мотивирующая сила нации превосходит многие другие идентичности, например, идеологическую, нет памятника неизвестному либералу или неизвестному марксисту, но есть множество памятников неизвестного

солдата, анонимный образ, который вбирает в себя всю продолжительную и более того, не склонную к тому, чтобы завершиться историю нации [2][23].

Далее мыслитель также замечает, что нация как суверенная и мыслящая себя как единство, не смотря на внутреннюю дифференциацию, общность появляется только в период складывания капитализма. В особенности влияние оказало появление книгопечатания, в результате этого, на место сакральных языков, обладающих особым символическим статусом и доступных образованному меньшинству, которое в таком обществе интернационально, приходят языки, использующиеся отдельными типографиями или бюрократией, даже если этот язык отличается от этнического как в случае Англии, создающие границы моноязыкового информационного пространства. Помимо этого, открытие Нового Света и изучение древних языков, сделало возможной мысль о конструируемости языка в противовес представлению об отражении в особых языках универсальной природы. Другой важный фактор — это колониализм и рост бюрократии, упорядочивание местных народностей в границах колониальных администраций заставляло эти народности мыслить себя в терминах европейских государств-наций. Рост колониальных империй приводил к тому, что человеческих ресурсов метрополии становилось недостаточно для обеспечения колониальной администрации, что вело к развитию образования в колониях, такое образование переносило представления о европейском делении на нации и их освободительную борьбу на новую почву. Также, этническая бюрократия метрополии, имеющая максимальную возможность горизонтальной и вертикальной социальной мобильности, в концепции Андерсона получала возможность путешествия, не зависеть от общинных на всю жизнь установленных связей, что дало среду для развития воображения или скорее воображания сплоченности нации. Помимо этого, стоит отметить изменение научной картины мира, внедрение субстанционального представления о времени и пространстве, где некоторая вещь существует сквозь эти измерения, также и

нация является движимой самой собой через эти измерения, соответственно являясь внеисторичной и оттого до бесконечности древней [2].

Процесс складывания нации в конечном итоге выражается в трех основных институтах, которые закрепляют представление о первичности существования нации. К этим институтам относятся:

1. Музей, то есть институт, как раз появившийся в раннее время и занимающийся формированием единого нарратива, выдвигающего общую и древнюю историю, принадлежащую нации.
2. Перепись населения, которая в целях практической простоты объединяла различные этносы и проводила границу свой-чужой.
3. Карта, которая стала отражать не столько практические индикаторы, более отвечающие географическим ориентирам, а скорее упорядочивала то пространство, которое должно быть отнесено к какой-либо нации [2].

Э. Геллнер более скептичен по отношению к статусу нации, его понимание конструкта отличается представлением об искусственности нации. Нация у него скорее не творение коллективного воображения, а иллюзия, продвигаемая политической элитой [11]. Он выдвигает идею о том, что национальная идентичность формируется как образ, который создается специализированной частью общества для того, чтобы обеспечивать существование искусственной культуры необходимой для легитимации государства-нации, элементы используемые для культивирования этого множества моделей поведения, традиций, обычаев берутся либо из «высокой» культуры, либо из «низкой», в зависимости от исторического контекста, элементы народной культуры, чей язык в какой-то степени гомогенен используются для формирования образа, который должен быть отражением нации. Так, Геллнер предполагает целенаправленное конструирование нации на основе стандартизации некоторого культурного материала для построения политической организации.

Также у Э. Геллнера отличное от многих других конструктивистов представление о появлении нации, как и остальные конструктивисты он соглашается, что нации появляются в Новое Время, в чем соглашается должно быть все представители течения, однако он связывает это не только с рождением и развитием капитализма, но со складыванием индустриального общества вообще. Так, как замечает Геллнер само мышление эпохи преобразуется под влиянием этих двух процессов, Новое Время начинается как эпоха главной ценностью которой называется разум и разум здесь можно понимать в двух смыслах, во-первых, как логичность, регулярность, постоянство результатов при постоянстве мыслительных процедур, что является прямым отражением бюрократизации общества этого периода, во-вторых, как целесообразность и практичность, которые напрямую связаны с капиталистическим способом производства [9].

В его теории появлению нации предшествует существование аграрного общества. В таком обществе письменность позволяет существовать дифференцированному обществу с разделением труда, в котором политическая элита выполняет две функции, хоть они и могут быть закреплены за одной стратой. Этими функциями является политическая, управление обществом и духовная, связанная с формированием ценностей. При этом большая часть населения это привязанные к местности малограмотные люди, общность верований, традиций и моделей поведения которых не выходит за границы небольшого региона. В таком обществе культурная элита не обладает достаточными ресурсами для того, чтобы распространить определенную идеологию на большую часть населения [9]. Отсутствие общей идеологической программы делает невозможным совместное революционное преобразование общества, крестьянские бунты, например редко когда были движимы идеей переустройства общества. А политическая элита целенаправленно конструировала свою идентичность максимально отличительной, чтобы выразить собственное происхождение и консолидироваться, как например элита Туниса возводила свое

происхождение к Оттоманской империи независимо от реальных родственных связей [11].

Индустриальное общество разительно отличается большим распространением грамотности и социальной динамичностью, такое общество требует освоение большего количества навыков в течении жизни и для их успешного освоения появляется стандартизированное базовое образование, которое включает в себя в том числе усвоение основных гражданских ценностей. Все это становится той средой, которой впоследствии может воспользоваться элита для формирования нового типа лояльности [9].

Конструктивистски подходя к нации, Геллнер замечает, что, беря за основание национальной идентичности, для примера, один из критериев национальной идентичности, такой как язык, мы получаем огромное множество потенциальных наций, которые могли бы претендовать на создание собственного политико-культурного пространства, что не происходит.

Так появляется один из ключевых тезисов конструктивизма о существовании процесса сближения и последующего совпадения культурных и политических границ.

Э. Хобсбаум поддерживает эту идею и говорит о том, что конструирование нации — это закономерный процесс своей эпохи, связанный с упадком сословной монархии, уменьшением значимости религии. Что соответственно заставляет появиться новый способ легитимации. Более того Хобсбаум вводит понятие изобретения традиции, которое может происходить как сознательно, так и нет. Суть этого понятия в том, что для закрепления образа древности, монументальности и неизменности нации придумывается некоторая социальная практика или символ, целью которого является напоминать о принадлежности к этой конструируемой идентичности [30][31]. В действительности такие практики придумываются намного позже заявленного периода, примерами таких

традиций, можно назвать узоры на Шотландском килте, корейские единоборства или традиционные символы Японии вроде суши, которые в действительности появились только в эпоху реставрации Мэйдзи [38].

Сопоставляя, например, Геллнера и Хобсбаума, можно заметить, что Э. Хобсбаум демонстрирует совершенно отличную логику конструирования нации. Э. Геллнер считает, что индустриализация порождает нациестроительство, Хобсбаум же замечает, что многие неевропейские нации появляются совсем не в период бурного развития индустрии в этих обществах. Совсем наоборот, формирование современного политического устройства затем приводило к появлению индустриальной экономики.

Также в связи с темой важны работы П. Бурдьё, который исследовал символический капитал и габитус как способ репродукции поведенческих диспозиций, символическая дифференциация классов в государстве-нации это уже способ его воспроизводства [7]. М. Нусбаум к тому факту, что национальная идентичность не обладает особым местом в ряду идентичностей и, что нациестроительство это способ легитимации и мобилизации масс [19].

Перейдем к резюмированию различий теорий. Как отмечалось, Б. Андерсон видит в конструировании проявление силы социума к воображению, то есть символический ресурс, который способен объединять общности столь большие, что их невозможно физически воспринять. Так, нация, в результате преобразования собственных условий существования, создает определенные объекты, обладающие символической силой. Причины этого были описаны выше. Геллнер концентрируется на силе появляющейся бюрократии и стандартизации для конструирования нации и ее способности продвигать целенаправленно созданный национальный образ. Хобсбаум отличается тем, что переворачивает логику Геллнера, не экономический базис общества модерна приводит к появлению наций, а раз появившийся способ упорядочивания политических отношений распространяется по миру, преобразуя в том числе экономические отношения.

Не смотря на отличия, которые интересны в том числе при анализу фактов истории и современных международных отношений для выяснения наиболее перспективной теории, нам необходимо сформулировать основу конструктивизма как направления или парадигмы анализа процессов, связанных с нациями. Основными положениями, которые согласуются практически у всех исследователей направления, в том числе тех, которых не всегда относят к конструктивизму, например, Нусбаум или Валлерстайн, являются:

- 1) Отрицание эссенциализма, заранее заданной сущности нации и утверждение ее конструирования в результате совместного активного восприятия
- 2) Появление наций в результате складывания в обществе определенных условий, которые появляются в процессе складывания общества модерна
- 3) Необходимость появления капитализма, развитой бюрократии, системы образования, книгопечатания для генезиса нации
- 4) Убеждение, что отсутствует необходимость в том, чтобы политические границы государства-нация совпадали с культурными, сама политическая организация общества преобразует культурные границы таким образом, чтобы они совпали с политическими. Иными словами, связь государства и нации с преобладанием государства.
- 5) Использование национальной идентичности для легитимации государства.
- 6) Исторический характер нации, нация — это не самодовлеющая общность, переходящая от эпохи к эпохе, скорее это зависимый от исторического времени конструкт.

В общем и целом, не смотря на то, что конструктивизм это семейство теорий каждая из которых концентрируется на определенных аспектах вопроса появления и развития наций и национальных государств и соответственно может нести в себе положения, которые не согласуются с

тезисами другой теории, существует определенная основа конструктивистского подхода, которая объединяет семейство теорий в один подход. В основе этого подхода лежит убеждение, что нация появляется и существует в первую очередь благодаря вере людей в ее существование, которая проистекает из деятельности политических и иных институтов свойственных обществу модерна.

2 Эпистемологический статус конструктивистского подхода

В предыдущей главе упоминалось, что конструктивизм можно понимать, как семейство теорий, а также было установлено, что у этого семейства есть конкретное множество общих метатеоретических оснований и теоретических предположений, касающихся вопроса наций, которые образуют определенную концептуальную схему. Также, были проанализированы основные тезисы и способы объяснения процесса зарождения нации присущие конструктивизму и на материале генезиса ряда европейских наций и современного положения дел можно проанализировать естественность, непротиворечивость и эффективность концептуальной схемы, предлагаемой конструктивизмом. Суть этой схемы, как мы выяснили, состоит в том, что социетально-функциональная структура общества определяет возможность появления наций и модус их существования, в противовес утверждению, о том, что нации творят историю и являются отправной точкой исторического процесса.

Теперь же задача состоит в том, чтобы оценить познавательную ценность конструктивизма, соотнести свойства подхода с критериями, по которым обычно оцениваются теоретические направления, что позволит дать оценку эпистемологическому статусу.

Первоначально предлагается ввести понятие эпистемологического статуса, оценка которого и будет предложена. Под этим понятием в рамках

исследования предлагается понимать оценку теории, концепта, мысленного эксперимента или иного инструмента познания с целью определения его способности давать истинное знание [22].

Как уже отмечалось, конструктивизм можно обозначить как парадигму, но скорее не в строгом смысле, как господствующий в научном сообществе способ постановки и решения задач, а скорее в более широком смысле как совокупность концепций, допущений, аксиом и легитимных способов умозаключения направленную на объяснение части действительности.

Помимо этого, конструктивизм можно назвать концептуальной схемой, то есть связанным в соответствии с присущими правилами множеством концепций и понятий, которое упорядочивает и категоризирует получаемые опытные данные. Можно воспринимать ее как набор правил по которым формируется модель исследуемого предмета или предметной области [35].

В пределах конструктивистского подхода был выделен не только теоретический уровень, но и метатеоретический, на котором сейчас можно остановиться подробнее. Под метатеоретическим уровнем понимается уровень знаний, к которому можно отнести эталоны объяснения, методологические принципы и идеалы. Из этого определения видно к сколь высокой степени абстракции оно относится и соответственно, что метатеоретический уровень можно назвать уровнем аксиом, мировоззренческих допущений, фундирующих исследование. В конструктивистском подходе на метатеоретическом уровне можно увидеть такие допущения как отказ от эссенциализма и стремление к редукции, принимаемых за данность сущностей к совокупности отношений внутри общества, то есть своеобразное определение через синтаксис, через правила складывания символов в обществе. Прочие метатеоретические принципы относятся к области общенаучных принципов и выходят за рамки исследования собственно конструктивизма. При этом, конечно, внутри подхода есть и расхождения, которые, например связаны с философским

вопросом отношения, выражаясь в терминах марксизма, экономического или, допустим технологического базиса и надстройки [21].

Представляется, что наиболее удачно анализировать конструктивистский подход как семейство теорий ввиду того, что эти теории с одной стороны обладают общей парадигмальной основой, а с другой относительно некоторых вопросов дают несколько различные объяснения. Например, все теории убеждают нас, что нации появляются как результат их конструирования по заданным обществам эпохой правилам, однако различные исследователи могут видеть для отдельных свойств генезиса наций различные детерминанты, при том, что центральные тезисы остаются неизменными. Если мы отметили, что конструктивизм предстает в форме связанного семейства теорий, то его эпистемологическое исследование необходимо анализировать после прояснения понятия теории, помимо этого, необходимо обозначить, какие критерии мы предполагаем для теорий для того, чтобы оценивать эпистемологический статус теории [29].

Эпистемологический статус теории или группы теорий связан в первую очередь с тем насколько успешно теория справляется с истинностным описанием исследуемого. И здесь затрагивается крайне важная проблема того, что понимается под истинностным описанием. Безусловно проблема истины как такой выходит далеко за пределы данной работы, но здесь необходимо прояснение выбранных для сопоставления с идеалом истины критериев. Глубоко укоренившимися в науке концепциями истины можно назвать корреспондентную и когерентную. И перед тем, как перейти к разбору теории, необходимо эксплицировать понимание этих концепций [21].

Корреспондентная концепция истины, восходящая еще к античности, суть которой состоит в том предположении, что истинно то знание, которое совпадает с предметом исследования или отражает его. Таким объектом может быть, например, эмпирический факт, процесс, а также определенный порядок явлений, то есть закон, присущий самому обществу или природе.

Такое представление широко распространено в индуктивных науках ввиду того, что предполагается, что наше знание укорено тогда и только тогда, когда для него находится достаточно подтверждений в объективной действительности. Здесь главным судьей истинности является эмпирический опыт и для обоснования знания необходима уверенность в том, что определенный факт действительно есть и соответствует нашему мнению, которое после нахождения соответствующего эмпирического факта превращается в знание. Так, для политической теории, которая описывает все связанное с нациями, таким эмпирическим материалом будут исторические факты, события современной политической жизни. Однако, как представляется корреспондентный подход при достаточной очевидности, связан с рядом проблем. Проблематично понимание того, что означает отражение знанием факта и как добиться достоверности в установлении связи эмпирического факта и пропозиции, что требует введение некоторых регулятивов познавательной деятельности, о чем будет говориться далее. Во-вторых, под научным знанием понимается прежде всего систематизированное знание, набор убеждений, который требует согласования, то есть некоторых критериев непротиворечивости, которые не происходят непосредственно от эмпирических фактов [21].

Когерентная концепция истины, называет главным условием истинности некоторого набора пропозиций их согласованность и непротиворечивость. То есть истинным можно назвать такое множество пропозиций, описывающих исследуемый предмет, которое не содержит противоречащих пропозиций. В первую очередь эта концепция связана с дедуктивными науками. Но, в науке вообще редко когда факт дан сам по себе без теоретической нагруженности, делающей возможной научное рассмотрение этого факта, и интерпретация во многом является тем, что заставляет согласовывать факт с другими фактами, с предыдущим знанием, с мировоззренческими предпосылками. Например, исторические свидетельства могут по-разному описывать события, имевшие место и только их взаимное

истолкование, может привести к складыванию цельного и непротиворечивого нарратива, который мог бы описывать действительность [22][29].

Конечно, приведенные концепции не являются единственными способами понимать истину. При этом, как представляется соответствие действительности, корреспонденция является принимаемым на метатеоретическом уровне принципом построения научного знания, а ряд приведенных доводов указывает на необходимость дополнения корреспондентной концепции когерентной. То есть для эпистемологически обоснованной теории мы предполагаем, строгое соответствие эмпирическим фактам, при чем, при выполнении как объяснительной, так и прогностической функций, также мы предполагаем внутреннюю согласованность теории.

Вернемся непосредственно к форме, в которой существует конструктивистские объяснения науки, то есть к теории. Под теорией понимается согласованная и обоснованная совокупность предложений, их допущений и следствий, объясняющая и предсказывающая факты. Уже из самого понятия мы можем выделить два аспекта теории, связанных с ключевыми философскими теориями истины. Во-первых, это когерентность теории, ее логическая непротиворечивость, совокупность правил вывода одних положений из других. В данном случае анализируется не дедуктивная система, соответственно этот аспект требует только базового анализа последовательности выводов основных конструктивистских теорий. При важности этого критерия, стоит сказать, что для индуктивно подтверждаемой теории, этот принцип недостаточен, но необходим. Допустим, например существование системы пропозиций, которые не противоречат друг другу и пробел в этой системе, на место которого подходит p и $\sim p$, которые противоречат друг другу, но не остальной системе, тогда принципа непротиворечивости теории явно недостаточно. Во-вторых, это способность к корреспонденции, то есть к соответствию следствий теории наблюдаемым

фактам [22]. Это соответствие столь важно ввиду того, достоверность теории определяется в том числе ее верификацией и фальсификацией. Сами положения чаще всего фиксируют некоторые закономерности и не могут быть верифицированы напрямую, проверяются их следствия, причем беря во внимание тезис Дюгема-Куайна, скорее вся совокупность предположений [14].

Для доказательства достоверности теории важнее всего прогностическая функция. Объяснительная функция теории дает структурированное понимание того, что исследуется, но одного объяснения недостаточно, так как всегда возможно придумать альтернативное объяснение имевших место фактов. Например, имея сколь угодно большое количество точек на графике, всегда возможно построить функцию, вероятно крайне сложную, которая бы описывала все эти точки. Эту аналогию можно перенести и на факты социальной действительности. Поэтому столь важное место занимает прогностическая функция теории, которая состоит в предсказании еще не наличествующих фактов, что подтверждает ценность теории, именно в этом и состоит верификация. Добавим, что верификация, конечно, наиболее отчетлива проявляется в более развитых науках вроде физики, где она ассоциируется с прямым экспериментом, однако ряд ситуаций заставляет более точно подходить к тому, что считать верификацией, например, эксперимент невозможен в космологии, и тогда нужно либо пользоваться экспериментальным материалом физики высоких энергий, элементарных частиц, либо дожидаться нахождения неизвестных ранее фактов, подкрепляющих нашу уверенность в теории [14]. В крайне высокой степени это касается и социальных наук, где проведение прямого эксперимента невозможно и тогда приходится ожидать такого развития событий или искать неизвестные ранее факты, которые бы подкрепляли теорию [21]. Наличие предсказательной силы уже указывает на статус теоретического направления.

Говоря о верификации, стоит сказать, что, в соответствии с принципом эмпиризма, каждый факт согласующийся с теорией повышает убежденность в истинности этой теории, однако никакое множество фактов в сравнении с бесконечным множеством возможных событий недостаточно для полной верификации теории. Для определения научности теории К. Поппером был предложен крайне известный принцип фальсификации, заключающий, что наличие фальсификаторов у теории делает возможным отнесение ее к науке [21]. А сам факт фальсификации является достаточным для опровержения положения теории или теории в целом. Можно представить отношение теории и эмпирических фактов в формализованной форме. Имеющиеся факты f и наличное знание K инициируют отношение следования $\models$ к гипотезе H .

$$f_1, f_2, \dots, f_n, K \models H$$

Гипотеза, обладающая прогностической функцией, и предшествующее знание должны предполагать проверяемые следствия s .

$$H \models s_1, s_2, \dots, s_n$$

И соответственно для каждого фальсифицированного следствия теории, которое говорит об адекватности теории будет верно:

$$(\sim s \wedge H) \wedge s \rightarrow \sim H$$

Здесь предлагается схематичное изображение развития теории, однако предполагается, что существует однозначная интерпретация фактов, следствий теории, оценка имеющегося знания. Однако, исторически развитие науки показывает, например ситуацию сосуществования двух оптических теорий, которые точно описывали факты, но описываемые факты относились к разным классам. Это еще более верно для ситуации социальных наук, когда объектом исследования становится само общество. Здесь интерпретация фактов, достижение объективности становится еще более сложной задачей. Поэтому для теории становятся важными и другие принципы.

К таким принципам можно отнести однозначность и определенность используемых в теории понятий и сущностей. А также простоту теории,

прекрасно выраженную в принципе бритвы Оккама. Под простотой понимается, способность при меньшем количестве исходных аксиом объяснять и предсказывать большее количество фактов, даже если это подразумевает значительное количество логических или математических переходов. Также этот принцип связан с исключением гипотез *ad-hoc*, то есть таких гипотез, которые вводятся для объяснения частного несоответствия опыта теории и не обладают предсказательной силой. Такими гипотезами, например была наполнена геоцентрическая модель Птолемея-Аристотеля, обратный случай — введение Планком гипотезы кванта, которая в дальнейшем сильно способствовала развитию физики [7].

Конструктивисты соглашаются, что нация — это продукт социальных условий Нового Времени, однако настаивают на различном онтологическом статусе и причинах появления. Сами взаимоотношения власти и общества, отношение к территориальным границам, переход к национальным языкам говорят нам, что складывание наций — это исторический феномен. Однако, конечно, примордиалисты всегда могут возразить, что это лишь внешнее проявление имманентно присущей общественной жизни сущности [37]. Что, однако выглядит как *ad hoc* гипотеза, а к самому процессу появления ряда европейских стран мы обратимся более глубоко в последующей главе. Также, не до конца проясненным остается вопрос о стабильности нации, о том, что заставляет ее сохраняться, хотя существуют возможные ответы связанные со способностью к автопоэзису социальных практик, более интересно, что трансформация общества модерна состоявшийся должна привести к тому, что нация претерпит трансформацию, ведь человек должен начать воспринимать ее по-другому, о чем пойдет речь в одной из последующих глав. Множество фактов несовпадения политических границ и культурных также, по-видимому, говорит в пользу того, что политическое образование не следует за духом народа. Кроме того, употребление термина культура в данном контексте часто связано с неоднозначностью и либо культура — это то, что объединяет людей только в границах государства,

либо культура не связана с национальными границами и путем инструментария государства модерна формирует национальную идентичность [34]. Языковые же границы также не склонны совпадать с национальными. В конечном итоге вряд ли возможно найти объективные факторы, определяющие сущность и границы нации, которые можно было бы объективно и бесспорно зафиксировать [37].

Так, нация появляется не просто *post hoc*, но вследствие ряда радикальных изменений свойственных Новому Времени, а значит нации до этого не было в какой-либо форме, в том числе не была она заложена и в форме потенции в различные социальные группы. Так, нации рождаются в первую очередь в момент появления печати, капиталистического способа производства, развитой бюрократии. Что могло влиять на формирование наций через такие формы, в зависимости от рассматриваемого автора, как способность к воображению происходящей от роста числа коммуникаций, изобретение традиций или в целом действиями особого аппарата, который поддерживает существование «искусственной культуры». И это вступает в противоречие с представлением о первичности, дальнейшей неанализируемости, нередуцируемости нации, с представлением о том, что нация это постоянно существующий, неустранимый элемент социальной действительности, с представлением о том, что Французская идентичность существует со времен галлов до Пятой республики, а Итальянцы как нация берут свое начало в Римской цивилизации и в имманентной форме нация существует в обществе [33].

Сопоставляя основные тезисы и предположения конструктивистского подхода с теми гносеологическими требованиями, которые мы выставили теории, претендующей на истинностное описание, можно сформулировать некоторые заключения. Говоря об эмпирической адекватности теории, можно констатировать, что теории, причисляемые к конструктивизму, имеют большой потенциал в объяснении истории наций. В дальнейшем эмпирическая адекватность, в смысле соответствия опыту ещё будет

рассматриваться на примере выбранных романских стран. Конструктивизм метко фиксирует определенные корреляты изменения общественного устройства и процесса становления наций. К примерам такой корреляции можно отнести связь появления книгопечатания и развитие стандартизированной национальной культуры, также, глубоко анализируется связь появления определенных институтов модерна, не только политических, например, школа, музей, армия, бюрократия, и проявления национальной идентичности. Более того, обращаясь к критерию когерентности, объяснение фактов в концепциях конструктивистов вполне изящно складывается в цельный нарратив, в котором появление наций не просто свершившийся факт, но скорее процесс, для которого описаны все конституенты и выделены различные этапы в их связи с социально-политическими процессами, как это имеет место быть в классификации Хобсбаума, где он выделяет развитие концепции нации от либеральной и лингвистической до современной [9][31].

Как отмечалось, собственно объяснения факта недостаточно для доказательства эпистемологической обоснованности теории, способность дать верифицируемый прогноз, который будет иметь подтверждение является необходимым условием, что опять же можно увидеть в конструктивистском анализе, например, когда Андерсон предсказывает складывание национальных государств и идентичностей в Юго-Восточной Азии, даже при условии крайней гетерогенности территорий этого региона или когда Геллнер описывает сохранение упорядочивания международных отношений национальными границами, при том, что сами стандарты культур и политических форм индустриального общества будут становиться все более однотипными, что отражает процесс глобализации. Также стоит отметить анализ этно-национальных процессов Хобсбаума, который предсказывал усиление влияния национального фактора в современном обществе, что наблюдалось в ходе складывания молодых государств-наций после распада СССР и Чехословакии [31].

Дополнительными критериями, которые могут указывать на предпочтительность теории, были указаны простота и строгая однозначность изложения. И здесь также, как представляется, конструктивизм проявляет достоинства. Так, ключевым понятиям ищется точная дефиниция, смысл которой не постулируется, а объясняется через редукцию к множеству социально-политических и экономических отношений, в противовес примордиализму, который, как считала Нусбаум, не является теоретическим подходом, а только научно обоснованным способом легитимации политического режима. Что касается, экономности, здесь также, конструктивизм старается избегать многочисленных плохо проверяемых допущений о естественности сущностей, которые могут подлежать аналитическому рассмотрению [19].

Очевидно, научная теория редко когда существует, не имея альтернатив и примордиалистская альтернатива рассматривалась достаточно подробно, где указывалась ее неспособность согласовать претензию на эссенциальность и субъективно ощущаемую древность нации и изменчивость национальной идентичности [34]. Что говорит о сравнительной предпочтительности конструктивизма как концептуальной схемы для анализа государств-наций.

Однако, нельзя не отметить, что концептуальное ядро теорий конструктивизма не избавлено от недостатков и непроясненностей. Так, конструктивисты говоря о конструировании нации указывают на использование своеобразного культурного материала для превращения его в символический ресурс нации и конструирования национальной идентичности, но тем самым, происходит как бы отказ отвечать на фундаментальный вопрос о сущности явления нации и переход к тому, чтобы объяснить ее через общности несколько меньшего порядка, например, народа или локальной культуры. Дискуссионным остаётся вопрос о предполагаемой сущности человека и его политической жизни. Универсализм как представление о меняющейся от эпохи к эпохе или от культуры к культуре

природе человека, некоторого трансцендентального субъекта слабо согласуется с первичностью отдельной национальной идентичности по сравнению с собственно субъектом, однако, и конструктивизм акцентирующий внимание на изменчивом характере общественного сознания вступает в некоторое противоречие с этой идеей. Обратное допущение об относительности субъекта и условий его существования релятивизирует сами выводы теоретического подхода. Помимо этого, нации являясь производной от общественного устройства, его технологий, экономических или социальных отношений, демонстрируют высокую степень устойчивости, хотя конструктивизм предполагает ответ на этот вопрос связанный со способностью политических институтов к самовоспроизводству, к тому же, большинство теоретиков подхода не заявляли о переходе от одной эпохи к другой.

Итак, хотя невозможно утверждать полную истинность конструктивистского подхода к вопросу государств-наций, можно говорить об эпистемологической обоснованности семейства конструктивистских теорий в силу выполнения прогностической функции научной теории, способности к объяснению причин социально-политических процессов и внутренней непротиворечивости, то есть конструктивистский подход способен легитимно претендовать на истинность собственных выводов. Конструктивизм несмотря на то, что он выдвигает несколько различающиеся сценарии возникновения нации, эффективно предлагает концептуальную схему, которая согласовано объясняет появление и развитие нации в соответствии с относительно конвенциональными требованиями к теории.

3 Проблемы нацистроительства на примере Италии, Испании и Франции и конструктивизм

В предыдущих главах указывалось, что теория является системой, которая направлена на объяснение и предсказание явлений объективной действительности. И эффективное, то есть экономное и непротиворечивое объяснение явлений и более того, способность их предсказывать, свойственные индуктивной теории повышают вероятность истинности теории с которой согласуются предсказанные явления. Теория – это способ упорядочивания мира, используемый как научная форма видения мира. Высокая степень соответствия теории критериям, которые мы ранее

описывали, повышает нашу уверенность в том, что тот образ мира, который предлагает теория верен. Адекватность объяснения способна сделать конструктивистский подход более предпочтительным ввиду того, что примордиализм будет уступать либо в том, что неадекватно описывает генезис нации, либо допускает нефальсифицируемую и туманную идею о том, что национальный дух перманентно присутствует в нации, даже до ее политического оформления.

Если конструктивистский подход действительно верно отражает исследуемые явления, в чем, можно попытаться удостовериться исследуя историю и современные тенденции связанные с выбранными европейскими странами, то можно, подняв степень уверенности в подходе, сделать выводы не только о верном отношении объяснения между теорией и объективной действительностью, но и о дальнейшем развитии этих государств-наций и в более широком контексте, о развитии европейской политики, в ее связи с концептом нации [23].

Так, наша задача состоит в том, чтобы попытаться оценить степень адекватности и логичности теоретического направления при применении его к политической жизни Италии, Испании и Франции сделать прогноз развития нациестроительства в данных государствах-нациях, опосредованный эпистемологическим статусом конструктивизма.

Для поставленных целей нам необходимо прояснение одного из важнейших в контексте исследования понятия - нациестроительство. Под нациестроительством предлагается понимать процесс в ходе которого формируется национальная идентичность, состоящая в коллективном чувстве солидарности, ощущении связи с национальной общностью и государством. Основанием для формирования этого коллективного чувства, которое используется для формирования нации служат те признаки, которые были ранее выделены в контексте определения понятия нации вообще, такие как, общность истории, языка, территории, культуры [32].

Определяя нациестроительство как процесс закономерно появляющегося вопроса о том, является ли этот процесс целенаправленным, телеологичным или скорее детерминированным складывающимися объективными условиями, которые производят такое исторически и культурно обусловленное мировоззрение, которое делает возможным конструирование нации. Как показывалось ранее понимание конструкта вообще может варьироваться от исследователя к исследователю, где разные понимания предполагают разную степень субъективности и относительности социального конструкта.

Так, в конструктивизме подход к вопросу о целенаправленности процесса нациестроительства можно представить в двух формах, одна связана с акцентом на движении нациестроительства, можно сказать, снизу, то есть когда социальная структура общества в целом, иногда, возможно вопреки политической воли элиты, делает необратимым процесс складывания нации и движение сверху, здесь акцент делается на целенаправленной деятельности элит по формированию образа нации, который должен быть воспринят всеми классами. Обе формы предполагают конструирование нации, но по-разному подходят к определению причин этого процесса, в дальнейшем в контексте исследования эти формы будут сопоставлены с нациестроительством в конкретных странах романского мира.

Основные положения конструктивизма отказывают идее непрерывности существования нации, ее безотносительности социально-историческому контексту и полной объективности признаков, которые используются для определения национальной идентичности. К таким критериям, как уже говорилось, относятся языковой, исторический, культурный, территориальный и прочие [15].

Примордиалистская традиция подчеркивает постоянство нации, ее древность, которая должна подчеркивать крепость национальной идентичности и легитимизировать государство, которое является ее

институциональным оформлением. Так ее существование в примордиализме представляется непрекращающимся, единственное ограничение связано с тем, что собственно национальное самосознание, превращение нации в себе в нацию для себя происходит постепенно. Конструктивизм же придерживается совершенно противоположной точки зрения, история здесь скорее является оформленным определенным классом нарративом, который подчеркивает древность, которая в действительности отсутствует. Например, Валлерстайн говорит о том, что «настоящее определяет прошлое», нарратив, который создается специальным классом, на материале достоверных исторических фактов формируется таким образом, чтобы отвечать интересам текущих государственных образований [8]. Поппер, не будучи собственно представителем конструктивизма выразался по этому поводу, так: «нация — это множество людей, объединенных общим ошибочным мнением относительно своей истории» [21].

Вопрос общности истории нации возникает в связи с большой неоднозначностью того, что понимается под общностью и постоянством нации, то есть необходимо проанализировать, что означает предположение о том, что современное французское общество напрямую связано с древними галлами, или претензии [33], особенно активно продвигаемые режимом Муссолини, на статус современной Италии как наследницы Римской империи.

Даже символом Франции является галльский петух, то есть уже в этом выражается попытка доказать, проиллюстрировать культурно-историческую связь. Однако, что означает связь не просто хронологического следования, а сохранения национальной идентичности. Древний период французской истории связан с существованием галльской культуры и проникновением римского влияния, в результате чего значительную часть населения современной территории Франции стали составлять галло-римляне. В Раннее Средневековье происходит вторжение и захват политической власти племенами германцев, в первую очередь, франков. Схожая ситуация в этот

исторический период наблюдается и в Испании, где при образовании испанской нации, к сообществам местных кельтиберов прибавляются иберо-римляне, то есть принявшие римские ценности представители местных племен. В дальнейшем происходит проникновение германцев, а именно вестготов и, в меньшей степени, свебов. Не менее культурно и этнически гетерогенным было общество апеннинского полуострова, где сосуществовали этруская, кельтская, греческая и собственно римская культуры [17].

Подобное культурное многообразие не говорит само по себе о том, что нация сконструирована, но уже необходимо включить обособленность общества этого исторического этапа, и по-видимому допустить, что общность происхождения необходимо как минимум отсчитывать с более позднего этапа, так как эта историческая ситуация демонстрирует несовпадение границ нации и описанных этнических групп, а также отсутствие как общего самосознания так и единой культурной идентичности [31].

Далее в период Средневековья образуются королевства, чьи границы во многом определяют будущие европейские страны и регионы. Однако можно ли предполагать наличие осознания политической и культурной общности для большинства населения. Ввиду того, что большинство населения этой эпохи это неграмотное крестьянство и исследовать их сознание представляется крайне сложной задачей, при этом ряд фактов опять же противоречит тому, чтобы констатировать наличие национальной идентичности и объективности критериев нации, которые ранее выделялись [17].

На примере Италии видна полная политическая раздробленность будущего государства-нации, существование Папства, Флоренции, Генуи, Венеции, а также множества городов-государств, которые зачастую вступали в политическое противоборство, к этому также со временем добавляется политическое завоевание значительной части современной территории государства. В некоторых исследованиях различия в политической культуре

севера и юга объясняются именно географией городов-государств, а именно их расположение на севере. Сам факт раздробленности еще не указывает на невозможность существования естественного движения по пробуждению национального самосознания, однако в данный исторический период, не наблюдалось каких-либо существенных политических движений, связанных с объединением нации [17]. Помимо этого, нельзя было говорить о какой-либо общности языка, в период, когда неразвитость системы коммуникаций изолировала отдельные регионы и, вообще, поселения, большинство населения которых не покидали его пределы. Также, помимо региональных диалектов и языков, границу между которыми крайне сложно провести, существовал универсальный язык элиты, в первую очередь язык духовенства, то есть класса, обладающего монополией на производство знания [2].

Не менее простая ситуация сложилась в Испании и Франции, где также множество диалектов и языков региональных общностей не позволяют говорить о том, что язык является строгим индикатором национальной идентичности, как минимум до этого периода. Вопрос о различии между языком и диалектом оставляется за скобками. В Испании ко множеству языков можно отнести каталанский, баскский, галисийский, арагонский и прочие. И для средневековой Франции ситуация была аналогичной, то есть положение, когда представители соседних регионов не имели возможности понимать друг друга. Более того, границы отдельных языков совершенно не совпадали с границами королевств, которые в дальнейшем станут прообразом границ государств-наций. К таким языкам можно отнести окситанский или баскский. Также, как и в большей части Европы Средневековья языком образованной части населения являлась латынь. Говоря о языке, стоит обратить внимание на этимологию ключевого понятия, то есть нации и исторический анализ словоупотребления. Первоначально в латыни, в период существования римской республики, а затем империи, *natio* происходящее от слова *natum* то есть рожденный, означало скорее племя или в общем говоря небольшую группу людей с единым происхождением. В

Средние Века нация приобретает совсем другой смысл, а именно региональное сообщество студентов университета. Во Франции, например, в парижском университете существовало 4 нации, в том числе нормандская и пикардийская, то есть группы населения, которые сейчас мыслятся неотъемлемой частью Франции.

В современном смысле термин нация начинает употребляться, по одной из версий, с 1884 года, когда впервые, в Испании, дается определение *nación* и *lengua nacional*, как общности не только обладающей культурным своеобразием, но и выраженной в политической организации и обладающей стандартизированным письмом. В последующем в определениях нации появляется дополнение о наличии достаточной территории и ресурсов для поддержания жизнеспособности государства [32].

Как отмечалось история Средних Веков, а также и раннего Нового Времени — это история множества политических субъектов, пребывающих в состоянии раздробленности. Этот период завершился, но история не указывает на необходимость процесса собирания множества территорий в единое государство-нацию. По-видимому, не объективность критериев выделения наций определяло их становление, а скорее обладание достаточными ресурсами и множество всех исторических событий, которые делают ход истории неповторимым. И это, а не отсутствие исконной национальной идентичности, привело к тому, что сейчас на определенной территории существует Франция, а не допустим, помимо нее еще Бретань, Окситания, Пикардия, Нормандия и прочие, обладающие культурной автономией и лингвистическим своеобразием регионы. Национализм не способен действительно проистекать из культурной общности ввиду того, что языков существенно больше наций и того, что не каждое потенциальное государство жизнеспособно, в таких случаях невозможно стабильное существование политического центра, который мог бы направлять процесс нациестроительства [17].

Так, вполне допустимо представить существование на месте Испании двух государств Кастилии и Арагона. Корсика, для которой свойственны сепаратистские устремления вполне могла бы вместе с Генуей войти в состав современной Италии, однако ход истории был иной. И в целом, все эти страны сохраняют внутреннюю культурную и языковую неоднородность, которая не способствует тому, чтобы строго подтвердить культурную идентичность нации, как целостного субъекта чьи политические и культурные границы объединены и образуют единую отличную от любой другой общность [6].

Процесс собственно конструирования нации, которому как было видно предшествовало отсутствие национальной идентичности связан в первую очередь с приходом общества модерна. В этот период складывается капитализм, появляется наука, книгопечатание, затем централизованная бюрократия и образование. А также ряд других институтов, которые также важны для нациестроительства [2].

Капитализм в выбранных странах развивался с разной степенью интенсивности, если Италия иногда полагается родиной этой экономической системы, то в Испании феодальные элементы сохранялись намного дольше. Однако, и в Испании, и во Франции наблюдался процесс усиления абсолютизма, связанный в том числе с перестройками в социальной структуре, а бюрократический аппарат, формируемый в процессе централизации, будет важен для последующего нациестроительства [17].

В целом, до конца семнадцатого века нельзя было наблюдать национальных движений в данных странах, Италия сохраняла состояние раздробленности, а Испания пыталась реализовать имперский проект, который по своей сущности не может быть связан с национальным государством, в особенности эта политика была заметна в период правления Карла V [17].

Помимо развивающейся бюрократии, в период раннего Нового Времени, зарождается книгопечатание и наука, чья роль в формировании

мировоззрения отмечалась раньше. Предлагался новый способ видения мира, а способ коммуникации определяет сообщение. Само появление науки служит скорее индикатором изменений в обществе и выхода на авансцену политической жизни новых классов. Также важна секуляризация и влияние научных достижений на мировоззрение эпохи и общества модерна вообще. Участие Испании в великих географических открытиях и встреча новых резко отличающихся культур усилило в Европе этноцентрические настроения, с одной стороны указав на относительность европейской культуры, с другой актуализировав разделение свой-чужой. В целом научные достижения, например астрономии, предложили новый способ упорядочивания реальности, в том числе с помощью карты, которая становится наглядным образом как не знающие друг друга жители отдаленных частей будущих государств-наций упорядочивались воображаемыми линиями, которые затем служили для формирования чувства общности [4].

Важным аспектом вопроса является религия. Как отмечалось более чем известно значительное влияние церкви в том числе в политических вопросах, но только великие географические открытия, религиозные войны и реформация, сделали религиозный способ самоопределения менее значительным в сравнении с национальным. Хотя, например в Италии и Испании религия и сегодня занимает важное место в повседневной жизни, все же роль политической силы в девятнадцатом веке ей была утеряна, а сами религиозные настроения использовались как одна из основ национальной идентичности, однако уступающая национальной. После эпохи религиозных войн государства перестают руководствоваться религиозными и династическими принципами в проведении внешней политики, хотя Испания долгое время сохраняла роль защитницы христианского мира. Однако религиозные войны становились артефактом прошлых эпох. Тоже верно и о династическом факторе, что подтверждает холод в отношениях между французскими и испанскими Бурбонами. Идею о том, что национальная

идентичность замещает религиозную подтверждается не только событиями войн этого периода, в частности, интересен эпизод Великой французской революции – «ночь чудес», когда представители дворянства и духовенства отказываются от своего положения для провозглашения принадлежности к нации. Хотя, логично, этот процесс встречал сопротивление классов входящих в отношении противоречия с новой политической формой, например, в период Великой французской революции это население Вандеи, территории, явно сопротивляющейся тому, чтобы стать частью общей идентичности или карлисты в Испании [32]. То есть на смену обществу, где реализуется правление политической элиты с отличной культурой и языком приходит обществу целенаправленно подчеркивающее гомогенность группы, в том числе элиты.

Это становится возможным по мере развития книгопечатания и других средств коммуникации, распространение стандартизированной культуры, которая могла бы поспособствовать унификации культурного пространства государства становится причиной того, что идея нации распространяется на широкие слои населения и нациестроительство становится важнейшим процессом политической жизни. Латынь, будучи языком лишь высоко образованной части населения являлась меньшим рынком по сравнению с рынком публицистики, написанной на национальных языках, что по законам капитализма приводила к перенаправлению деятельности печатных станков. Удешевление этой деятельности в совокупности с развитой бюрократией и централизацией, а также повышение мобильности и индустриализация создали условия позволяющее создать институты и идеологию, которые служат целям нациестроительства [32].

Великая французская революция обладает особой значимостью для нациестроительства, именно в этот момент была провозглашена нация, как общность, выраженную через политическую организацию. Аббат Сиес заявляет о том, что нация является конституирующим основанием государства. Появляется идея нация как политико-правовой связи,

образуемой скорее актом политического участия в государстве, чем происхождением. Хотя позже в революционном конвенте будут звучать речи о том, что сельское население Эльзаса предатели и не могут быть частью французской нации так как говорят на одном языке с врагами. Идея общности языка занимает все более важное положение в том, чтобы служить маркером нации [39].

Но для этого должна произойти стандартизация. Под ней понимается унификация словаря, грамматики, зачастую произношения, также должен быть расширен лексический объем для устранения лакун [31].

Так, образуется процесс, в ходе которого активно продвигается стандартизированный язык, использование которого должно быть повсеместным, в Испании этот язык формируется вокруг толедского диалекта, в Италии центром являлась Флоренция. Важно заметить, что превращаясь в высокий официальный язык, диалект перестает быть языком общения региона, и сама языковая форма этого высоко стандартизированного языка берётся не в результате самопроизвольного процесса сближения языков, а вокруг продвигаемого языка, подобно тому, как правящий класс в предыдущие эпохи, в том числе в Испании, использовала французский, что опять же не позволяло говорить о наличии нации определяемой через языковую общность [31].

Начиная с конца XVII – начала XIX получают распространение привычные современному обществу институты в современном понимании: школа, музей, армия, СМИ. Армия во Франции в период наполеоновских войн и позже стала использовать тот самый стандартизированный французский, а рекрутирование в войска, также, как и расширение бюрократии повысило среднестатистическое количество контактов отдельного человека, который теперь действуя в пределах государства начинал отождествлять себя с той общностью, относительно которой достаточно свободно передвигался и внутри которой взаимодействовал. Средства массовой информации, которые для большего охвата писали на

языке, понять который могли на территории всего государства, что опять же приводило к формированию общего информационного пространства, которое заставляет считать, например, жителя Пикардии, говорившего когда-то на шти, что состояние дел в Аквитании для него важнее чем, допустим, во Фландрии [30].

Школа также сделала вклад в процесс формирования национального языка, помимо этого, вместе с музеем, школа является инструментом формулирования нарратива, который объяснял населению историческую, культурную и языковую общность. В более широком смысле, это деятельность не только школы, но в целом классы интеллигенции. Так, в результате формирования одного нарратива, допустим истории Испании борющейся за независимость с арабами, происходит усвоение другими политическими или культурными элитами идеи о выстраивании истории таким образом и предлагаются идеи по созданию наций, которые ранее никогда не существовали, а большинство членов этой нации до того, не признавали собственной принадлежности к нации.

В момент Великой французской революции невозможно было говорить о единстве всех признаков выделяемых для нации, в случае языка, около половины будущих французов не говорила на собственно французском, не говоря уже о прочих культурных различиях, которые лежали между севером и югом, Бретанью, Бургундией, Русильоном и прочими регионами. По мере закрепления модернистской политической организации общества, возможность проведения языковой политики и политики в области образования, в отдельных государствах возрастала значимость языкового и этнического фактора [25]. Франция всегда оставалась примером гражданской нации, хотя языковой фактор время от времени возрастал. В период Рисорджименто итальянский ирредентизм делало акцент на общем происхождении, на давних мечтах этнических итальянцев изгнать иноземцев. Здесь заметен иной подход к тому, что должно быть стержнем национального самоопределения. Этнический и языковой фактор играли

более важную роль при формировании итальянской нации. Рассмотрев контекст эпохи, можно заметить активизацию национально-освободительных движений, что зачастую связано с реакцией на языковую политику и распространением образования, в которое имплицитно была заложена идея о государствах-нациях как основных акторах истории. При этом, необходимость активно культивировать нацию признавали даже сами лидеры национально-освободительных движений, например, когда Кавур говорил: «мы создали Италию, теперь мы должны создать итальянцев». Здесь Кавур как среднестатистический государственный деятель этого исторического периода считает необходимым продвижение политики содействующей нациестроительству [11].

Как отмечалось идея государства-нации связана с идеей эволюционного собирания одной нации, но, что также говорилось, размытость критериев нации или их оформление уже после образования государственного аппарата не предполагает границы с которой можно было бы отсчитывать нацию, до тех пор пока границы одного государства-нации не соприкоснутся с другим таким образом, чтобы культурные границы каждого из государств совпадали с собственными политическими границами [9].

В XX века, с одной стороны виден пик развития государств-наций, связанный с предельной в исторической перспективе степенью унификации культурного и политического пространства государств и осознанием принадлежности национальной общности, даже, когда это связано со значительными лишениями. С другой стороны, именно в этот период начинают распространяться идеи интернационализма, зачастую связанные с левым движением.

В Италии и Испании, в рассматриваемую эпоху, к власти приходят авторитарные режимы, поддерживающие радикальную политику национализма, а Италия более того, развивает идею оправдания расширения национального пространства Италии и включение итальянцев, которые по мнению Муссолини оказали под властью чужаков, например, в Риеке, где

под влиянием идей ирредентизма д'Аннунцио основал недолго существовавшую республику Фиуме. Испанский режим был в меньшей степени направлен вовне, однако активно культивировал идею важности традиций и исторической укоренённости испанской нации. Падение режимов в этих странах приводит к тому, что национальная политика более не принимает подобной формы [6].

Нациестроительство во Франции не принимало столь форсированный характер, а гражданский фактор в определении нации всегда доминировал над культурным или этническим, что например проявляется в попытке расширения культурно-политического пространства нации путем включения Алжира не как колонии, а как части Франции разделенной, как и остальная территория на департаменты, первоначально управляющиеся военными властями, а затем гражданскими губернаторами [39].

Со второй половины XX века начинает проявляться кризис проекта модерна или как минимум многих институтов модерна. На смену ему приходит постмодерн, то есть общество, которое отрицает тотальность, метанарративы и признает альтернативность прогресса, культурно-историческую относительность ценностей. Что не могло не обусловить упадок государств-наций [29].

Рассмотрев нациестроительство в данных странах, можно заключить, что конструктивизм действительно указывает причины появления нации и помогает обнаружить корреляты процесса образования нации, которые связаны с возникновением общества модерна и активной национальной политикой. Хотя в каждом из случаев виден процесс возникновения социального конструкта, для разных стран можно выделить различные характеристики процесса нациестроительства. Так французская нация конструировалась прежде всего на основе идеи гражданственности, возможности включения любого в состав Франции на основе принятия политических норм и принципов [2]. Испания, пройдя во много схожий путь, от феодального, позже абсолютистского государства, затем пришла к эпохе

авторитаризма, активно продвигавшего культурно-этнические основания конструирования нации. Что, по-видимому, первоначально скрыло проблему объединения нации, а затем обострило этнические отношения в весьма гетерогенном испанском обществе. Италия пришла к формированию государства-нации позже, что ведет к тому, что региональная или религиозная идентичность зачастую ощущается сильнее национальной, а однозначно определить модель нациестроительства как конструирование гражданской или культурной идентичности проблематично [33].

Используя подход, достоверность которого исследовалась, можно проанализировать будущее нациестроительство в Испании, Франции и Италии. Прежде всего нации — это продукт определенной эпохи и соответствующего мировоззрения. Человек всегда существует в общности и возможно предопределяется ее, но форма, в которой существует общность зависит от окружающих условий, также идентичности, задаваемые общностями чаще всего, сосуществуют или более того вступают в противоборство. В зависимости от культурно-социальных, экономических, политических и прочих условий одни идентичности могут возникать, исчезать и менять свое позицию [26].

Современное общество претерпевает значительные изменения, связанные со становлением общества постмодерна, сменой ценностей, глобализацией, структурной перестройкой экономики, все это происходит уже на протяжении десятилетий и политические изменения следуют за общей трансформацией общества.

Глобализация делает границы стран, особенно в ЕС более транспарентными, возможно, подобно тому, как расширения границ возможной коммуникации поспособствовало складыванию наций, теперь поспособствует формированию еще более широких наднациональных идентичностей [28].

Нация необходимо находит свое выражение в государстве, иначе как показывает предыдущий анализ нация не может обрести существование. А

современный этап развития общества показывает, что государства-нация сталкиваются с кризисными явлениями. Глобализация и наднациональные институты нарушают то упорядочивание мира, которое предполагали государства-нации XVIII-XIX, когда граница одного государства означала начало другого государства, существующего по схожим правилам унифицированной нации. Кроме того, подвергается сомнению легитимность государства-нации, способность такой организации общественной жизни, которая должна отражать интересы нации, но сейчас в этом вопросе наблюдается раскол, так, до 92% французов предполагают, что политическая элита страны игнорирует проблемы населения. В целом о тенденции утраты легитимности традиционными институтами говорит резкий подъем популярности у нетрадиционных, антисистемных партий, вроде «Движения Пяти Звезд» [28].

Ренан утверждал: «существование нации – это повседневный плебисцит». Как следствие, если нация неразрывно связана с государством, то кризис легитимности политических институтов свидетельствует и о кризисе национального сознания [40].

Как отмечалось, можно наблюдать общий кризис ценностей, идеологических систем модерна и конструктивизм подходящим образом описывает такое общество, в котором ценности принимают относительный характер. Соответственно в таком обществе проблематично утверждать абсолютность различного рода абстрактных общностей, что ведет к тому, что нация, когда-то вытеснившая религиозную, родовую, клановую, сословную идентичность, заняв первое место сейчас претерпевает давление других идентичностей возможно более актуальных для общества постмодерна [15].

Что касается Франции, с одной стороны определяя национальную идентичность через обладание гражданством и принятие правовой системы, пятая республика может избежать ригидности определения нации в динамичный, быстро трансформирующийся век, с другой стороны, открытость и мультикультурализм, могут привести к тому, что национальной

общности будет принадлежать столь пестрое множество ценностей и идей, что невозможно будет иметь однозначное и ясное понимание национальной французской идеи. Наиболее вероятно предположить сохранение французской гражданской модели нации, которая будет претерпевать кризис, и которая будет постепенно уступать свое место другим идентичностям, вроде региональной, особенно на Корсике, в Бретани [6].

В Испании конфликт, который разгорелся в Каталонии и стране Басков с новой силой относительно недавно, предположительно будет усиливаться, ввиду неспособности предложить стимул, который мог бы заставить басков и каталонцев интегрироваться более плотно, и ввиду того, что при все этом испанское правительство пытается ограничить попытки добиться большей автономии, что согласуется с логикой существования государства-нации в текущих исторических обстоятельствах. Помимо этого, культурное и языковое разнообразие Испании, глубокая разница в том числе между Леоном, Галисией и вообще севером с одной стороны и Андалузией с другой, в условиях упадка национальных идеологий может приводить к возрастанию влияния регионального фактора, что формирует тренд на формирование Европы регионов.

В Италии образ будущего нации в еще большей степени будет связан с региональными проблемами. Сепаратизм во многом является реакцией на вышеописанный кризис оснований общества модерна, и если в Испании и Франции нации существовали более долгое время, то в Италии сложно выделить период, когда национальная идентичность безусловно доминировала над региональной. Сегодня, когда идея Рисорджименто не занимает того места, кризисные явления будут только усиливаться. Что уже видно на примере конфликта между севером и югом, и, в частности, видно по популярности сецессионистской партии «Лига Севера» [6].

Таким образом, на примере Франции, Испании и Италии можно увидеть, что критерии нации формулируются и выполняются в процессе направленной политики по конструированию национальной идентичности

единой для всей территории государства. Этот процесс стал возможен после появления капитализма, книгопечатания, технологического и научного развития индустриального общества, расширения бюрократии. И производился через средства массовой информации, армию, музей, аппарат управления, школу и прочие институты, которые стали совершенно обыденными для общества модерна. На современном этапе общество модерна претерпевает радикальную трансформацию, вызванную глобализацией, структурными изменениями в экономике, вторжением информационных технологий и соответствующей перестройкой ценностей. Все это ведет к тому, что национальная идентичность в Италии, Испании и Франции, претерпит изменения и вступит в конфликт с другими идентичностями, в первую очередь с региональной.

Заключение

Итак, конструктивизм – это теоретический подход, который включает в себя ряд теорий, объединенных общей парадигмальной основой. Хотя внутри подхода можно выделить исследователей, которые разделяя ключевые допущения и выводы конструктивизма не согласны между собой относительно определенных аспектов. Б. Андерсон акцентирует внимание на книгопечатании, коммуникации и их способности стимулировать коллективное воображение, М. Нусбаум подчеркивает манипулятивный характер нацистроительства, Э. Гелнер редуцирует появление нации к складыванию индустриального общества, Э. Хобсбаум возражает против редукции и подчеркивает важность культурных и мировоззренческих факторов, П. Бурдьё исследует социальный капитал и его конвертацию.

Конструктивизм обладает теоретической основой и именно ее эпистемологический статус, как ядра любой теории, относимой к конструктивизму, необходимо анализировать в контексте исследования. Основой подхода можно назвать рассмотрение общественных явлений как социальных конструкторов, отрицание эссенциализма и детерминированность генезиса нации историческими условиями. Где под социальным конструктором понимается предмет, который существует в силу коллективной веры в его существование и соответствующего поведения. Общей гипотезой, которая доказывается в исследовании, является предположение, что складывание общества модерна, становление капитализма, индустриального общества и последующая централизация государства — это то, что привело к появлению наций и не существует естественного хода вещей, который рано или поздно должен привести к появлению национального самосознания, толкающее нацию к выражению собственного суверенитета через оформление национального государства.

Для оценки эпистемологического статуса теоретического подхода, то есть того, насколько научно обоснован подход, был предложен ряд критериев, в соответствии с которыми можно оценить гносеологический потенциал подхода. Такими критериями являются когерентность,

адекватность эмпирическому опыту, в особенности, прогностическая способность, однозначность используемой терминологии и экономность.

И конструктивизм в достаточно высокой степени отвечает этим критериям, так, данный подход способен давать непротиворечивое объяснение имеющимся фактам, не является самопротиворечивым и отвечает критериям верификации и фальсификации, хотя это еще не означает полной истинности подхода.

В ходе исследования, для повышения достоверности и оценки развития политических процессов в Европе, предположения и закономерности, предлагаемые конструктивизмом, были применены к нациестроительству в таких государствах-нациях, как Испания, Италия, Франция. На примере этих стран заметно, что нациестроительство бурно развивается именно в период, когда распространение получают такие институты, как всеобщее образование, средства массовой информации, армия, музей, бюрократия.

Используя конструктивистский подход можно попытаться предположить каким будет развитие нациестроительства в Италии, Испании и Франции на фоне радикальных трансформаций современного общества. Проникновение информационных технологий, структурные перестройки в экономике, глобализация и что наиболее важно кризис мировоззрения предшествующей эпохи. Все это ведет к тому, что национальные идентичности выбранных стран явно испытывают кризисные явления, связанные с тем, что национальная идентичность будет находиться под давлением других идентичностей, в первую очередь региональных идентичностей, связанных с сепаратистскими движениями.

Итак, конструктивизм является обоснованным инструментом познания, который легитимно может быть отнесен к научным подходам и быть использован для исследования государств-наций, с его помощью могут быть определены тенденции нациестроительства во Франции, Испании и Италии.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Альтюссер, Л. Идеология и идеологические аппараты государства Неприкосновенный запас, №3, – 2011, 14-58 С.
2. Андерсон Б. Воображаемые сообщества: Размышления об истоках и распространении национализма. – М.: КАНОН-пресс-Ц. – 2001. – 324 с.
3. Басманова, А. А. Сепаратизм в стране басков / А.А. Басманов, Е.В. Миссауи-Ульянищева // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология, №20, – 2018, 365-375 С.
4. Белова, К. А. Особенности развития сепаратизма в Испании после падения диктатуры Ф. Франко : специальность 07.00.03 «Всеобщая история» : диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Белова Кира Андреевна ; Российский университет дружбы народов. — Москва, 2004. — 214 с.
5. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / пер. с англ. Е. Руткевич – М.: Медиум, – 1995. – 323 с.
6. Борисова, Д. С. Конструирование национальной идентичности в Италии: от итальянцев к итальянцам / Д.С. Борисова // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры, №3, – 2019, 16-21 С.
7. Бурдые, П. Практический смысл / Пер. с фр.: А. Т. Бикбов, К. Д. Вознесенская, С. Н. Зенкин, Н. А. Шматко; Отв. ред. пер. и Послесл. Н. А. Шматко. — СПб.: Алетейя, – 2001 г. – 562 с
8. Валлерстайн И. Существует ли в действительности Индия? / И. Валлерстайн // Логос. – 2006. – № 5 (56). С. 3–8
9. Геллнер Э. Нации и национализм / пер. с англ. И.И, Крупника - М.: Прогресс, – 1991. – 320 с.
10. Гофман, А. Б. В поисках утраченной идентичности: традиции, традиционализм и национальная идентичность / А.Б. Гофман // Вопросы социальной теории, №4 – 2001, 241-254 С.
11. Жолудева, Л. И. Проблема национальной идентичности в итальянских исторических и лингвистических сочинениях XVI века / Л.И. Жолудева //

Вестник Московского университета. Серия 9. Филология, №1, – 2016, 111-119 С.

12. Конституция Итальянской Республики от 27.12.1947 [Электронный ресурс]// Консультант Плюс / – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=56678#018965130586177503>.

13. Конституция Пятой республики 4 октября 1958 г. [Электронный ресурс] // Тихоокеанский государственный университет / – Режим доступа: <https://google.su/df8Cdh>.

14. Куайн У. Две догмы эмпиризма // С точки зрения логики. – 2000. – Т. 9. – С. 24-49.

15. Кульшанова, А. А. Теории примордиализма и конструктивизма в исследовании нации / А.А. Кульшанова // Наука, новые технологии и инновации. – № 8, – 2020, 169-172 С.

16. Латур Б. Пастер: война и мир микробов, с приложением "несводимого" / пер. С фр. А. в. Дьякова. СПб.: изд-во европейского университета в Санкт-Петербурге, - 2015. - 316 с.– Т. 38, № 4. – С. 794-797.

17. Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового запада / Ле Гофф пер. с фр. под общ. ред. В. А. Бабинцева – М.: У-Фактория, – 2005. 520 с.

18. Любарт, М. К. Национальная идентичность и миграционный фактор в современной Франции / М.К. Любарт // Сибирские исторические исследования. № 3, – 2019, 26-48 С.

19. Нуссбаум М. Патриотизм и космополитизм / М. Нуссбаум // Логос. – 2006. – Т. – С. 110-119.

20. Петрова, Е. И. Соотношение понятий "этнос" и "нация": философский аспект / Е. И. Петрова // Культура и цивилизация. № 1, – 2019, 61-71 С.

21. Поппер, К. Логика научного исследования / К. Поппер // Логика и рост научного знания : Избранные работы / Составление, общая редакция и вступительная статья В.Н. Садовского. – Москва.: Издательская группа "Прогресс", 1983. – С. 33-235.

22. Пружинин, Б. И. Проблема типологизации научного познания в контексте культурно-исторической эпистемологии / Б. И. Пружинин // Эпистемология и философия науки. Т. 59, № 3, – 2022, 81-97 С.
23. Сафонов, А. Л. Этнокультурная фрагментация современных наций и ее онтология / А. Л. Сафонов // Межэтнические отношения и процессы в современном мире. – 2019, 128-132 С.
24. Семененко, И. С. Национализм, сепаратизм, демократия... Метаморфозы национальной идентичности в "старой" Европе / И.С. Семененко // Polis: Journal of Political Studies, №5, – 2018, 70-87 С.
25. Сергиевский М. В. История французского языка / М.В. Сергиевский // — М.: Издательство Юрайт, – 2019. — 287 с.
26. Тория, Ж. Н. Проблема национального самосохранения французской идентичности: социологический дискурс / Ж.Н. Тория // Вопросы политологии. № 2, – 2020, 598-609 С.
27. Тумин, А. Д. Испанская национальная идентичность: истоки кризиса / А.Д. Тумин // Культура и цивилизация, №7, – 2017 – 756 С.
28. Фоменко, М. В. Формирование национальной идентичности в условиях глобализации / М.В. Фоменко, Е.В. Макаров // Закон и власть. № 4, – 2020, 18-20 С.
29. Фуко, М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет / М. Фуко ; сост., пер. с фр., коммент. и послесл. С. В. Табачниковой. — М. : Касталь, 1996. — 448 с.
30. Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года / Пер. с англ. А. А. Васильев – СПб.: Алетейя, – 1998. – 306 с.
31. Хобсбаум, Э. Все ли языки равны? Язык, культура и национальная идентичность/ Э. Хобсбаум // Логос, №4, – 2005, – 49 с.
32. Цапина Е. А. Языковой фактор формирования национального самосознания в Испании (на примере региона Каталония) // Филологический аспект: международный научно-практический журнал. № 3, – 2020, 46-60 С.

33. Шевлякова, Д. А. Идея Рима в формировании национальной идентичности итальянцев / Д.А. Шевлякова // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация, №2, – 2019, 79-87 С.
34. Adler, E. Constructivism in international relations: Sources, contributions, and debates. Handbook of international relations, №2, 2013 112-144 p.
35. Davidson, Donald. “On the Very Idea of a Conceptual Scheme.” Proceedings and Addresses of the American Philosophical Association 47 (1973): 5–20 p.
36. Disch L. (ed.). Constructivist Turn in Political Representation. – Edinburgh University Press, 2019.
37. Hoffmann, M. J. 2010. Norms and social constructivism in international relations. In Oxford Research Encyclopedia of International Studies 2010
38. Le Goff J. Les paysans et le monde rural dans la littérature du haut Moyen Age (Ve — VIe siècle) // Le Goff J. Pour un autre Moyen Age. P. 131 — 141.
39. Paul-François, « La France à l'épreuve de son unité », Commentaire, 2020/4 (Numéro 172), p. 773-782.
40. Renan E. Qu'est-ce qu'une nation?. – 1882.

Министерство науки и высшего образования РФ
Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Юридический институт
кафедра международного права

УТВЕРЖДАЮ

Заведующий кафедрой

 Т.Ю. Сидорова

подпись   инициалы, фамилия
«09»   06   2023 г.

БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА

41.03.05. Международные отношения

Эпистемологическая обоснованность конструктивистских теорий нации
и нациестроительство (на примере Италии, Франции, Испании)

Руководитель

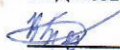
 10.05.23

подпись, дата

доцент, к.филос.н
должность, ученая степень

М.С. Бухтояров
инициалы, фамилия

Выпускник

 10.05.23

подпись, дата

В.И. Бровко
инициалы, фамилия

Красноярск 2023